

КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/tdi.2021.2.57.3

УДК 314 | ББК 60.7

© Барсуков В.Н., Калачикова О.Н.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ¹

ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ БАРСУКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: lastchaos12@mail.ru

ORCID: [0000-0001-7819-8297](https://orcid.org/0000-0001-7819-8297); ResearcherID: [I-8179-2016](https://orcid.org/0000-0001-7819-8297)

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА КАЛАЧИКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

г. Вологда, Российская Федерация

e-mail: onk82@yandex.ru

ORCID: [0000-0003-4681-4344](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344); ResearcherID: [I-9562-2016](https://orcid.org/0000-0003-4681-4344)

В XXI веке мировое сообщество претерпевает существенные изменения, которые находят свое отражение во всех сферах: меняется не только окружающая среда, но и само население. На текущий момент одной из главных демографических метатенденций выступает старение населения, выражающееся в увеличении доли и численности пожилых людей в возрастной структуре. Глобальность и необратимость данного явления вынуждает правительства «стареющих» государств пересматривать свою политику с учетом новых демографических реалий. Одно из возможных и наиболее эффективных решений заключается в реализации политики активного долголетия, распространенность и масштаб которого становятся определяющими факторами поддержания устойчивого социально-экономического развития. В данной работе поставлена цель с помощью количественных и качественных методов исследовать закономерности и особенности территориальной распространенности активного долголетия. В первой части статьи представлены анализ современных тенденций старения населения, теоретико-методологическое обоснование применения отдельных инструментов в исследовании активного долголетия, во второй

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта РФФИ № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

части – результаты сравнительного анализа стран мира по уровню «глубины» старости и распространенности активного долголетия по методике определения индекса активного долголетия. Сделан вывод о том, что получить достоверную и релевантную информацию о масштабах и распространенности активного долголетия возможно только с использованием комбинации нескольких методов. Доказано, что распространенность популяционного долголетия не всегда напрямую связана с широким распространением активного долголетия. Как свидетельствует проведенный анализ, развитая инфраструктура, обеспечение комфортных условий для занятости в старших возрастах, сбалансированная пенсионная система в совокупности могут нивелировать фактор «глубины старости», обеспечивая более полную реализацию имеющегося потенциала населения с точки зрения расширения возможностей для увеличения распространенности активного долголетия как массового явления.

Активное долголетие, старение населения, долголетие, индекс активного долголетия, территориальные особенности.

Введение

Со второй половины XX века демографическая ситуация в мире претерпела существенные изменения. Помимо колоссального роста общемировой численности населения, подавляющее большинство развитых и развивающихся стран столкнулось с рядом качественных трансформаций структуры населения. Одной из наиболее важных и ярко выраженных тенденций стало изменение его возрастной структуры. Изменения в структуре смертности (особенно младенческой) привели к росту ожидаемой продолжительности жизни во всех возрастах². В то же время снижение рождаемости выступило главным фактором уменьшения доли населения младших возрастных групп. Как итог, население развитых и развивающихся стран, для которых описанные выше трансформации оказались наиболее характерными, начало «стареть»: доля пожилых людей перманентно увеличивалась, тогда как удельный вес младших поколений сокращался [1–4].

Имеющиеся сегодня сведения об изменении возрастной структуры населения позволяют говорить о том, что старение населения является глобальным феноменом. По среднему варианту прогноза ООН к 2030 году число людей в возрасте 60 лет и старше вырастет на 56% с 962 млн человек (2020 год)

до 1,4 млрд (2030 год)³. К 2050 году численность пожилых людей в мире увеличится более чем вдвое и составит 2,1 млрд человек. Во всем мире количество пожилых людей растет быстрее, чем население младших возрастных групп: к 2030 году численность пожилых людей превысит количество детей в возрасте до 10 лет (1,41 млрд против 1,35).

В развивающихся странах старение населения происходит существенно интенсивнее. Ожидается, что в период с 2020 по 2050 год число людей в возрасте 60 лет и старше, проживающих в развивающихся регионах, возрастет более чем вдвое (с 652 млн до 1,7 млрд человек), тогда как в развитых странах рост составит только 38% (с 310 до 427 млн человек). Численность пожилых людей быстрее всего увеличивается в Африке, за которой следуют Латинская Америка и страны Карибского бассейна. Согласно прогнозам, к 2050 году почти 80% пожилого населения мира будут проживать в наименее развитых государствах⁴.

Также следует отметить, что темпы старения населения ускоряются. Сегодня развивающиеся страны вынуждены гораздо быстрее адаптироваться к новым демографическим условиям, чем большинство развитых, при этом чаще всего они обладают гораздо более низким уровнем националь-

² Lee R., Mason A. Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy. New York: WESS background paper, 2015. 35 p.

³ World Population Prospects 2020. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources>

⁴ Там же.

ного дохода, недостаточно развитой социальной инфраструктурой.

Процесс глобального демографического старения имеет двойственную природу. С одной стороны, первопричина его возникновения заключалась в установлении контроля над многими важнейшими причинами смертности, что дает право рассматривать его в качестве одного из главных достижений мирового сообщества. С другой стороны, нарастающая интенсивность, глобальность и необратимость демографического старения определяются, преимущественно, иным фактором – общемировой тенденцией снижения рождаемости. С этой позиции старение населения представляет собой цивилизационный вызов, требующий от «стареющих» государств поиска оптимальных вариантов для преодоления всего спектра его негативных социально-экономических последствий. Внедрение политики активного долголетия – одно из решений адаптации социума и экономики к старению населения, потенциально имеющее долгосрочный эффект и расширяющее возможности для использования ресурсного потенциала «стареющего» общества. При этом успешность социального конструирования феномена активного долголетия и распространения практики его внедрения в общественное сознание зависит от существующих механизмов управления. В связи с этим адаптация таких механизмов к новым демографическим условиям должна опираться на достоверную и релевантную информацию о текущем состоянии и трендах трансформации структуры феномена активного долголетия. Цель нашей работы – выявление закономерностей и особенностей территориальной распространенности активного долголетия.

Теоретико-методологическая постановка проблемы

Активное долголетие – многогранное понятие, преимущественно включающее в себя ряд факторов, определяющих возможности продления периода активной включенности индивидов в общественную жизнь [5]. Спектр проявлений активного долголетия

весьма широк: от здорового старения до участия в формальном рынке труда.

На «классическом этапе» становления исследований в области изучения старения населения масштаб распространенности феномена долголетия определялся численностью населения в «глубокой» старости, приходящейся на общую численность населения [6; 7]. В первой части работы мы сделали акцент на исследовании долгожительства как глобального явления, имеющего, в свою очередь, ярко выраженные региональные различия. Для анализа был использован показатель численности людей в возрасте 90 лет на 100000 человек населения (согласно методике ВОЗ, возраст долгожительства начинается именно с этой отметки), динамика увеличения которого показывает интенсивность нарастания «глубины старения» [8].

Следует отметить, что измерение «глубины» долгожительства нельзя в полной мере назвать маркером активного долголетия населения определенной территории в целом. Этот показатель не дает возможности детально оценить потенциал и включенность представителей старшего поколения в общественную жизнь. Учитывая актуальность проблематики, методологический инструментарий исследования активного долголетия постепенно расширяется, создавая возможности для более полного и релевантного сравнения территорий.

Основной методологической проблемой при рассмотрении активного долголетия становится необходимость учета его многомерных проявлений во всех сферах общественной жизни. Таким образом, главными инструментами его измерения становятся многоступенчатые индексы. К числу наиболее известных можно отнести следующие:

- индекс активного долголетия (Active Ageing Index);
- глобальный индекс наблюдения за старением (Global AgeWatch Index);
- глобальный пенсионный индекс (Natixis Global Retirement Index);
- индекс благополучия пожилых (Wellbeing in Later Life Index, WILL);
- индекс благосостояния пожилых людей (SCL/PRB).

Каждый из них имеет свои методологические особенности, часто акцентируя внимание на отдельно взятых проблемных зонах (занятость, пенсионная система, доходы и т. д.). Наиболее универсальным с этой точки зрения является индекс активного долголетия (ИАД). В 2015 году Рабочая группа ЕЭК ООН по проблемам старения рекомендовала использовать индикаторы ИАД в целях мониторинга реализации третьего цикла Мадридского международного плана действий по проблемам старения и оценки прогресса стран в осуществлении политики поддержки активного долголетия. При расчете ИАД применяется 22 показателя, объединенных в четыре субиндекса, которые, в свою очередь, формируют сводный показатель, принимающий значения от 0 до 100 баллов (табл. 1).

Первые три области ИАД измеряют текущую ситуацию в сфере активного долголе-

тия, четвертая оценивает факторы, которые способствуют или препятствуют реализации потенциала пожилых в будущем. Для каждой области измерений установлен перечень индикаторов. Ему соответствует конкретный статистический показатель, представленный в виде положительного коэффициента со значениями от 0 до 100, где более высокое значение отражает более высокий уровень реализации потенциала пожилых людей. Объединение значений индикаторов (статистических показателей) по областям измерений (доменам) и ИАД в целом производится методом последовательного агрегирования с использованием установленных значений весов (весовых коэффициентов), которые формируются с учетом экспертной оценки значимости конкретной сферы в контексте активного долголетия.

Таблица 1. Структура показателей индекса активного долголетия

Субиндексы	Занятость	Участие в жизни общества	Независимая, здоровая и безопасная жизнь	Возможности и благоприятная среда для активного долголетия
Индикаторы	1.1. Уровень занятости 55–59	2.1. Волонтерская (добровольческая) деятельность	3.1. Физическая активность	4.1. Ожидаемая продолжительность жизни как процент от целевой продолжительности жизни в 105 лет
	1.2. Уровень занятости 60–64	2.2. Уход за детьми, внуками	3.2. Доступ к услугам здравоохранения и стоматологическим услугам	4.2. Доля лет здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 55 лет
	1.3. Уровень занятости 65–69	2.3. Уход за больными и инвалидами	3.3. Независимые условия жизни	4.3. Психологическое (душевное) благополучие
	1.4. Уровень занятости 70–74	2.4. Участие в политической жизни	3.4. Относительный медианный доход	4.4. Использование ИКТ
			3.5. Отсутствие риска бедности	4.5. Социальные связи
			3.6. Отсутствие тяжелых материальных лишений	4.6. Уровень образования людей пожилого возраста
			3.7. Физическая безопасность	
	3.8. Непрерывное обучение			

Источник: Active ageing index 2018. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ECE-WG-33.pdf

Таким образом, мы проводили анализ в двух проекциях:

а) измерение «глубины старости» с использованием статистических показателей долгожительства;

б) выявление особенностей распространенности активного долголетия в некоторых странах мира с применением данных об уровне ИАД.

Сочетание двух методов позволяет не только углубить изучение масштабов распространенности долгожительства, но и определить влияние внутренних и внешних факторов на расширение практик внедрения активного долголетия.

Результаты исследования

Увеличение доли и численности представителей самых старших возрастов – одно из основополагающих следствий т. н. «старения сверху», т. е. углубления старости возрастной структуры в силу увеличения показателей дожития в верхней части половозрастной пирамиды. Показатель численности населения старше 90 лет на 100000 человек населения позволяет выявить региональные различия не только с точки зрения «глубины старости», но и с позиции анализа интенсивности протекания этого процесса (табл. 2).

Из представленных данных мы можем заключить, что наибольшая «глубина» старения наблюдается в развитых странах, к которым относятся государства Европы, Северной Америки, Австралия и Новая Зеландия. В центральной части рейтинга находятся преимущественно развитые страны Азии и представители Латинской Америки. Наименьшие значения по уровню «глубины» старости зафиксированы на африканском континенте и в Океании (за исключением Австралии и Новой Зеландии). Важно отметить, что представленное распределение в целом соответствует положению стран мира с точки зрения преодоления фазы реализации демографического дивиденда. В частности, этим обусловлены более высокие темпы увеличения масштабов «долгожительства» в развивающихся государствах, которые на

Таблица 2. Динамика изменения численности населения старше 90 лет в расчете на 100 тыс. человек населения в регионах мира, факт и прогноз

Регионы мира	1990 год	2020 год	2050 год
Западная Европа	367,1	1173,0	2756,8
Южная Европа	271,5	1163,6	2946,2
Развитые страны	289,8	976,2	2480,8
Северная Европа	389,2	924,4	2074,0
Европа	265,0	896,6	2264,9
Северная Америка	392,9	842,2	2334,4
Австралия / Новая Зеландия	248,5	783,6	1990,1
Океания	187,6	565,7	1367,0
Восточная Европа	167,1	562,8	1623,6
Российская Федерация	167,5	534,5	1449,6
Страны Карибского бассейна	138,3	422,8	1221,1
Восточная Азия	50,4	342,3	1555,4
Южная Америка	64,3	321,8	1238,3
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	77,3	313,2	1104,8
Мир в целом	91,2	274,4	787,9
Центральная Америка	92,8	266,0	786,7
Азия	191,8	265,0	748,8
Юго-Восточная Азия	42,5	159,9	651,5
Развивающиеся страны	36,8	137,4	531,7
Полинезия	25,5	118,6	584,2
Западная Азия	49,7	111,6	442,0
Микронезия	20,4	103,8	644,6
Центральная Азия	130,4	92,0	258,3
Южная Азия	28,1	87,9	306,1
Северная Африка	30,2	79,2	276,6
Наименее развитые страны	12,6	41,7	99,0
Южная Африка	10,6	33,8	87,3
Африка	14,4	24,9	75,0
Восточная Африка	11,6	23,1	58,8
Меланезия	6,6	21,9	60,7
Центральная Африка	14,1	18,4	32,4
Западная Африка	6,3	8,5	17,3

Источники: World Population Prospects 2020. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources>; расчеты авторов.

текущий момент преодолели пик «демографического бонуса». Российская Федерация демонстрирует средние показатели для своего региона (Восточная Европа), к 2050 году в ней ожидается более чем трехкратный прирост численности долгожителей. Фактически страна постепенно перейдет от текущей модели «старения снизу» к модели «старения сверху», что во многом будет обусловлено преодолением пика реализации небольшого дивиденда, сформировавшегося после внедрения в РФ мер по повышению рождаемости.

Безусловно, генетическая предрасположенность и место проживания являются важными факторами долгой и активной жизни человека. Однако, как показывает опыт западных стран [9–11], поведенческие (образ жизни, питание и др.) и институциональные (развитая система здравоохранения и социальная инфраструктура, высокий уровень и качество жизни населения) факторы в глобальном масштабе вносят существенный вклад в увеличение продолжительности активной жизни населения [8]. Применение только количественного метода не дает возможности определить степень влияния каждого из факторов активного долголетия на структуру, масштабы и распространенность данного явления. Для этих целей, как уже было отмечено, используются многомерные индексы, включая наиболее проработанный и принятый научным сообществом индекс активного долголетия (ИАД).

В изначальном варианте методика расчета ИАД была адаптирована применительно к странам Евросоюза, однако постепенно стала применяться и в других странах. В частности, аналогичная методика расчета ИАД утверждена приказом Росстата от 31 октября 2019 года № 634. Рассмотрим данные расчета ИАД для стран ЕС и Российской Федерации в 2018 году (табл. 3).

Из представленных данных видно, что разница между первой и последней страной в рейтинге достаточно существенная (19%). Лидирующие позиции занимают страны Северной и Континентальной Европы, которые являются лидерами практически по

Таблица 3. Индекс активного долголетия в некоторых странах, 2018 год

Страна	Субиндексы				Сводный индекс
	занятость	участие в жизни общества	независимая жизнь	благоприятная среда	
1. Швеция	45,4	26,0	79,2	71,2	47,2
2. Дания	40,6	21,7	78,4	66,5	43,0
3. Нидерланды	36,3	26,6	77,3	64,7	42,7
4. Соединенное Королевство	39,3	20,7	75,3	63,9	41,3
5. Финляндия	35,7	22,6	77,6	63,1	40,8
6. Германия	39,4	15,9	74,9	63,6	39,6
7. Ирландия	35,4	18,8	75,0	63,2	39,1
8. Франция	26,9	26,2	75,4	62,2	38,6
9. Эстония	44,5	14,3	66,5	53,2	37,9
10. Бельгия	23,8	27,0	73,3	62,8	37,7
11. Республика Чехия	34,2	16,2	71,4	58,7	36,5
12. Австрия	27,2	18,8	77,7	60,0	35,8
13. Кипр	30,8	19,4	71,5	54,9	35,7
В среднем по ЕС	31,1	17,9	70,7	57,5	35,7
14. Мальта	25,6	20,9	70,6	60,5	35,4
15. Латвия	37,9	17,8	57,7	50,2	35,3
16. Люксембург	20,2	23,8	74,2	62,2	35,2
17. Италия	28,0	17,3	68,0	55,9	33,8
18. Испания	25,7	16,2	71,6	59,7	33,7
19. Португалия	33,4	11,9	67,7	54,2	33,5
20. Литва	37,9	11,1	65,3	48,5	33,4
21. Словакия	26,3	16,1	69,2	52,9	32,3
22. Болгария	30,5	9,7	66,2	55,9	31,8
23. Российская Федерация	35,3	8,0	38,9	17,8	31,7
24. Словения	21,3	15,7	71,0	55,5	31,1
25. Польша	26,5	13,1	66,1	52,7	31,0
26. Венгрия	27,5	11,6	65,6	51,0	30,5
27. Румыния	28,9	13,6	63,7	44,6	30,2
28. Хорватия	21,2	15,8	64,2	49,4	29,3
29. Греция	20,6	11,8	63,9	50,0	27,7

Источник: Active ageing index 2018. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ECE-WG-33.pdf

всем субиндексам и частным индикаторам. Отдельно следует отметить Грецию, занимающую последнее место в сводном рейтинге, несмотря на то что обладает одной из самых высоких долей долгожителей в мире. Это еще раз убеждает нас в том, что доля и чис-

ленность пожилых людей в численности населения не может выступать единственным индикатором распространенности активного долголетия.

Российская Федерация занимает по ИАД 23 место, находясь на уровне стран восточно-европейского региона. Последние места по всем субиндексам, за исключением занятости населения, обуславливают размер суммарного показателя. Следует оговориться, что для Российской Федерации ИАД рассчитывался по данным за 2016–2018 гг., т. е. до проведения пенсионной реформы, одним из главных последствий которой стало снижение удельного веса работающих пенсионеров. Это дает нам повод предположить, что в 2021 году Российская Федерация могла бы оказаться существенно ниже в сводном рейтинге. Если говорить о наиболее высоких и низких показателях для России, то следует отметить, что ее пожилые граждане формально защищены от бедности (89% от общей численности), однако обладают самой низкой физической активностью и недостаточным стремлением к повышению уровня образования в сравнении с пожилыми гражданами всех рассмотренных стран.

Чтобы составить более полное представление о дифференциации стран по значению ИАД, воспользуемся данными, полученными

ми методом иерархической кластеризации по рассмотренным субиндексам. Метод был применен для определения «идеального» количества групп, на которые можно разделить страны (в данном случае набор из 29 государств). Агрегированные показатели группируют страны, минимизируя разнообразие, существующее в отдельном кластере, и максимизируют разницу с другими (табл. 4).

Из представленных сведений видно, что кластер 1 выделяется на фоне трех других лидерством по всем субиндексам, но при этом включает в себя наименьшее количество государств. Согласно методике ИАД, показатели занятости населения оказывают наибольшее влияние на расположение стран в итоговом рейтинге, что предопределяет не только место в нем, но и потенциал перемещения между кластерами. Российская Федерация находится в 4 кластере вместе со странами Восточной и Южной Европы, выгодно выделяясь на их фоне более высокой занятостью старшего поколения, характеризуясь при этом его наименьшей включенностью в жизнь общества по другим параметрам. Кластер 4 интересен также тем, что в нем располагаются страны с самой низкой и самой высокой продолжительностью жизни населения. Таким образом, можно предположить, что показатели старения населения

Таблица 4. Кластеризация некоторых стран мира по уровню ИАД, 2018 год

Страна	Субиндексы				Сводный индекс
	занятость	участие в жизни общества	независимая жизнь	благоприятная среда	
1 кластер (Дания, Финляндия, Нидерланды, Швеция, Великобритания)	39,4	23,5	77,6	65,9	43,0
2 кластер (Чехия, Эстония, Ирландия, Германия, Латвия, Литва, Португалия)	37,5	15,1	68,3	55,9	36,5
3 кластер (Австрия, Бельгия, Кипр, Франция, Люксембург, Мальта)	25,7	22,7	73,8	60,4	36,4
4 кластер (Россия, Болгария, Хорватия, Греция, Венгрия, Италия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Испания)	25,6	14,1	66,9	52,8	31,1

Источник: Active ageing index 2018. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/ECE-WG-33.pdf

и долгожительства не оказывают существенного влияния на итоговый показатель ИАД. С другой стороны, это может являться спецификой методики, не учитывающей индивидуальные характеристики населения.

Из приведенных выше данных можно сделать несколько важных выводов.

1. Рассчитанный показатель ИАД позволяет нам говорить о наличии существенной дифференциации стран с точки зрения распространенности активного долголетия. Отдельные государства, в силу влияния ряда факторов, имеют гораздо более высокие показатели по всем субиндексам. При этом возрастная структура населения не является определяющим фактором распространенности активного долголетия, т. к. при схожих доле и численности пожилых людей и одинаковом числе лет дожития в старших возрастах страны могут располагаться на разных ступенях иерархии по уровню ИАД.

2. Несмотря на явные отличия между странами, мы можем констатировать, что потенциал распространенности активного долголетия не реализован в полной мере во всех рассматриваемых государствах (например, даже в наиболее развитых странах – менее чем наполовину). В действительности существует большой пласт нерешенных проблем, на которые должны быть направлены усилия «стареющих» государств с целью адаптации к новым демографическим и социально-экономическим условиям.

Согласимся с экспертами ВОЗ в том, что не существует «типичного» пожилого человека, поскольку старение – неоднородный процесс. Этот же тезис можно применить и к универсальности термина «активное долголетие», которое, как нам представляется, может принимать разную форму на отдельных территориях с учетом индивидуальных, социокультурных и социально-экономических факторов.

Следует отметить, что между социально-экономическими группами существует большое неравенство как в продолжительности жизни, так и в ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Например, в странах ОЭСР 25-летний мужчина с универси-

тетским образованием может рассчитывать прожить на 7,5 года дольше, чем его сверстник с низким уровнем образования; для женщин разница составляет 4,6 года [12]. Эти выводы не менее актуальны и для стран с развивающейся экономикой.

Активное долголетие тесно связано с социальным и экономическим неравенством [13–17]. Разница в показателях здоровья, образования, занятости и заработка возникает еще в раннем возрасте, усиливается и накапливается на протяжении всей жизни. Мужчины и женщины с низким уровнем здоровья имеют меньший трудовой стаж, меньше зарабатывают и раньше выходят на пенсию [18; 19]. На досрочный выход на пенсию также влияют возможности обучения на протяжении всей жизни, условия на рынке труда и структура пенсионных систем.

Важным аспектом является гендерное неравенство. С одной стороны, женщины обладают лучшими показателями здоровья и активности в старших возрастах [20; 21], что накладывает определенный отпечаток на половозрастную структуру, в том числе в рамках реализации поведенческих стратегий «активного долголетия». С другой стороны, как показывают данные ОСЭР [12], работающие женщины, в особенности пожилого возраста, непропорционально сильно пострадали от автоматизации рабочих мест и, вероятно, будут подвергаться повышенному риску лишиться работы из-за технологических изменений в дальнейшем. Гендерная дискриминация в системах пенсионного и социального обеспечения по-прежнему широко распространена и усугубляет состояние бедности и социальной изоляции для многих пожилых женщин. Например, ежегодные пенсионные выплаты женщинам в странах ОЭСР в среднем на 27% ниже, чем для мужчин [12].

Потребность в государственной и общественной помощи в старшем возрасте наиболее характерна для наименее обеспеченных социально-экономических групп. Люди из низших слоев населения с большей вероятностью испытывают проблемы со сни-

жением физических и умственных способностей и в большей степени нуждаются в долговременном уходе. Таким образом, неплатежеспособность этой группы населения увеличивает нагрузку на бюджет «стареющих» государств. Здесь мы приходим к выводу, являющемуся краеугольным камнем концепции экономики поколений: решение задачи адаптации к условиям старения населения возможно лишь при условии роста уровня благосостояния граждан и трансформации пенсионных систем с увеличением доли накопительного элемента. Решение этих задач позволяет существенным образом снизить нагрузку на бюджет и расширить возможности для внедрения практик активного долголетия во всех возрастах.

Наиболее серьезный барьер, препятствующий расширению внедрения практик активного долголетия, связан с нематериальным фактором – эйджизмом. Как показало ранее проведенное исследование [22], возрастная дискриминация остается актуальным явлением, характерным (в разной степени) для всех государств мира. Однако определено, что для стран с наименьшим уровнем распространенности возрастной дискриминации характерны высокий среднедушевой доход, меньшее влияние традиций и ценностей религии, значительно более развитая система демократических институтов, а также не только большая доля пожилых людей, но и значительно более высокое качество их жизни. Уровень трудовой занятости старшего поколения в странах с высоким уровнем толерантного отношения к пожилым людям существенно выше [23; 24]. Искоренение возрастной дискриминации – явление, сопутствующее экономической и социокультурной модернизации государства. Результаты исследования подтверждают тезисы теории Р. Инглхарта, адаптированные в данном исследовании применительно к социально-демографической группе пожилых людей: дискриминационные настроения, выражающиеся в пренебрежительном отношении к представителям старшего поколения, преодолеваются вследствие трех последовательных

этапов: социально-экономических преобразований, изменения ценностных установок, развития институтов демократии [22].

Заключение

Проведенный анализ позволяет нам сделать несколько важных выводов.

Выявленные территориальные особенности дают возможность говорить о том, что процесс «углубления» старения возрастной структуры населения регионов мира вписывается в концепцию демографической бета-конвергенции: развивающиеся и наименее развитые страны на текущий момент демонстрируют меньшие значения уровня демографического старения, но при этом интенсивность изменений в них выше, чем в развитых странах. Это обусловлено тенденциями глобального демографического перехода от стадии реализации демографического дивиденда к старению населения, который в странах догоняющего развития начался существенно позже и имел значительно большие структурные резервы в части снижения показателей рождаемости и роста продолжительности жизни во всех возрастах. Стоит также отметить, что климатические условия и географическое расположение накладывают отпечаток на масштабы и распространенность явления долгожительства. К таким примерам можно отнести страны Южной Европы и государства Карибского бассейна, в которых численность долгожителей относительно велика, несмотря на то, что по многим социально-экономическим показателям они существенно уступают развитым странам Западной и Северной Европы.

Российская Федерация демонстрирует средние показатели роста интенсивности старения возрастной структуры населения (примерно на уровне стран Восточной Европы). Она опережает целый ряд государств по уровню показателя ИАД, что во многом обусловлено достаточно высокой занятостью населения старших возрастов, но при этом существенно отстает по ряду других параметров (физическая активность пожилых людей, состояние их здоровья и др.).

В рамках исследования нами определено, что получение достоверной и релевантной информации о масштабах и распространённости активного долголетия возможно только при использовании комбинации нескольких методов. В частности, показателен пример стран Южной Европы, которые являются мировыми лидерами по уровню «глубины старости», но при этом находятся в нижней части рейтинга ИАД. Применение двух рассмотренных методов в отдельности дает нам повод говорить о диаметрально противоположных результатах, но их суммирование определяет более полную картину.

Можно утверждать, что распространённость популяционного долголетия не всегда напрямую связана с широким распространением активного долголетия. Как показал проведенный анализ, развитая инфраструктура, обеспечение комфортных условий для занятости в старших возрастах, сбалансированная пенсионная система в совокупности могут нивелировать фактор «глубины старости», обеспечивая более полную реализацию имеющегося потенциала населения с точки зрения расширения возможностей для увеличения распространённости активного долголетия как массового явления.

В рамках проекта «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения» нами поставлены и успешно решаются две взаимосвязанные задачи.

1. Разработка интегрального индекса активного долголетия, учитывающего весь спектр проявлений индивидуальных и внешних факторов изучаемого феномена. Данные для расчета получены в ходе опроса населения Вологодской области в 2020 году (объем выборки – 1500 человек старше 18 лет). Разработанный индекс позволит расширить изучение активного долголетия в контексте его распространённости среди всего населения, а не только старшего поколения, а также учесть важные индивидуальные поведенческие характеристики населения, которые во многих индексах представлены крайне несущественно.

2. Разработка концепции активного долголетия с учетом всего многообразия его проявлений в Российской Федерации.

Отметим, что исследуемая тематика с каждым годом приобретает все большую значимость для «стареющих» государств. Причина этого заключается не только в необходимости формирования общества «для всех возрастов», но и в решении задач по адаптации социально-экономического развития к новым демографическим условиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Reher D. Demographic transition and its consequences. *Population and Development Review*, 2011, vol. 37, pp. 11–33.
2. Meltem I. Economic and social consequences of population aging the dilemmas and opportunities in the twenty-first century. *Applied Research in Quality of Life*, 2015, vol. 10, pp. 735–752.
3. Orlicka E. Impact of population ageing and elderly poverty on macroeconomic aggregates. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 30, pp. 598–605.
4. Alper F., Alrep A., Ucan O. The economic impacts of aging societies. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, vol. 3, pp. 1225–1235.
5. Biggs S., Powell J.L. A foucauldian analysis of old age and the power of social welfare. *Journal of Aging & Social Policy*, 2001, vol. 12, pp. 93–112.
6. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 508 с.
7. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения / пер. с фр. Ф.Р. Окуневой. М.: Прогресс, 1977. 520 с.
8. Факторы активного долголетия: итоги обследования вологодских долгожителей / О.Н. Калачикова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 76–94. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.4
9. Boudiny K. Active ageing: From empty rhetoric to effective policy tool. *Ageing and Society*, 2012, vol. 1, pp. 1–22.

10. Bowling A. Enhancing later life: How older people perceive active ageing? *Aging and Mental Health*, 2008, vol. 12, pp. 293–301.
11. Calasanti T. Ageism, gravity, and gender: Experiences of aging bodies. *Generations*, 2005, vol. 29, pp. 8–12.
12. Clarke A., Warren L. Hopes, fears and expectations about the future: What do older people's stories tell us about active ageing? *Ageing and Society*, 2007, vol. 27 (4), pp. 465–488.
13. Dean M. *Governmentality. Power and Rule in Modern Society*. Los Angeles, Sage, 2010. 293 p.
14. Rudman D.L. Shaping the active, autonomous and responsible modern retiree: An analysis of discursive technologies and their links with neo-liberal political rationality. *Ageing and Society*, 2006, vol. 26 (2), pp. 181–201.
15. Ekerdt D.J. The busy ethic: Moral continuity between work and retirement. *The Gerontologist*, 1986, vol. 26 (3), pp. 239–244.
16. Stenner P., McFarquhar T., Bowling A. Older people and 'active ageing': Subjective aspects of ageing actively. *Journal of Health Psychology*, 2011, vol. 16 (3), pp. 467–477.
17. Foucault M. *The History of Sexuality*. London, Penguin Books, 1990. 164 p.
18. Hajer M. *The Politics of Environmental Discourse. Ecological Modernization and the Policy Process*. Oxford, Clarendon Press, 1995. 517 p.
19. Havighurst R.J., Neugarten B.L., Tobin S.S. Disengagement and patterns of aging. *The Gerontologist*, 1964, vol. 4 (3), pp. 24–42.
20. Holstein M.B., Minkler M. Self, Society and the 'New Gerontology'. *The Gerontologist*, 2003, vol. 43 (6), pp. 787–796.
21. Kenyon G., Clark P., de Vries B. *Narrative Gerontology. Theory, Research and Practice*. New York, Springer. 203 p.
22. Барсуков В.Н. Оценка распространенности дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 429. С. 82–90. DOI: 10.17223/15617793/429/10
23. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2
24. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 89–103. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виталий Николаевич Барсуков – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lastchaos12@mail.ru

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru

Barsukov V.N., Kalachikova O.N.

TERRITORIAL FEATURES OF ACTIVE LONGEVITY PREVALENCE

In the 21st century, the world community is undergoing significant changes which are reflected in all spheres: not only is the environment changing, but also the population itself. At the moment, one of the main demographic meta-trends is population aging which is expressed in an increase in the share and number of older people in the age structure. Globality and irreversibility of this phenomenon forces the governments of “aging” states to revise their policies taking into account the new demographic realities. One of possible and the most effective solutions is to implement a policy of active longevity, the prevalence and scale of which become the determining factors for maintaining sustainable socio-economic development. The purpose of the work is to use quantitative and qualitative methods to investigate the patterns and features of territorial prevalence of active longevity. The first part of the article presents an analysis of current trends in population aging, a theoretical and methodological justification for the use of individual tools in the study of active longevity. The second part demonstrates the results of a comparative analysis of the world countries by the level of old age “depth” and the prevalence of active longevity by the method of determining the active longevity index. The authors have concluded that it is possible to obtain reliable and relevant information about the extent and prevalence of active longevity only using a combination of several methods. The research proves that the prevalence of population longevity is not always directly related to the wide spread of active longevity. According to the analysis, the developed infrastructure, the provision of comfortable conditions for employment in older ages, and balanced pension system in combination can offset the “old age depth” factor providing a more complete realization of the existing population’s potential in terms of expanding opportunities to increase active longevity prevalence as mass phenomenon.

Active longevity, population aging, longevity, active longevity index, territorial features.

REFERENCES

1. Reher D. Demographic transition and its consequences. *Population and Development Review*, 2011, vol. 37, pp. 11–33.
2. Meltem I. Economic and social consequences of population aging the dilemmas and opportunities in the twenty-first century. *Applied Research in Quality of Life*, 2015, vol. 10, pp. 735–752.
3. Orlicka E. Impact of population ageing and elderly poverty on macroeconomic aggregates. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 30, pp. 598–605.
4. Alper F., Alrep A., Ucan O. The economic impacts of aging societies. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, vol. 3, pp. 1225–1235.
5. Biggs S., Powell J.L. A Foucauldian analysis of old age and the power of social welfare. *Journal of Aging & Social Policy*, 2001, vol. 12, pp. 93–112.
6. Rosset E. *Protsess stareniya naseleniya* [Population Aging Process]. Moscow: Statistika, 1968. 508 p.
7. Sauvy A. *Obshchaya teoriya naseleniya. Tom 2: Zhizn' naseleniya* [General Population Theory. Volume 2: Population's Life]. Translated from French Okuneva F.R. Moscow: Progress, 1977. 520 p.
8. Kalachikova O.N. et al. Determinants of active longevity: results of a survey of Vologda long-livers. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, no. 5 (47), pp. 76–94. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.4 (in Russian).
9. Boudiny K. Active ageing: From empty rhetoric to effective policy tool. *Ageing and Society*, 2012, vol. 1, pp. 1–22.
10. Bowling A. Enhancing later life: How older people perceive active ageing? *Ageing and Mental Health*, 2008, vol. 12, pp. 293–301.

11. Calasanti T. Ageism, gravity, and gender: Experiences of aging bodies. *Generations*, 2005, vol. 29, pp. 8–12.
12. Clarke A., Warren L. Hopes, fears and expectations about the future: What do older people's stories tell us about active ageing? *Ageing and Society*, 2007, vol. 27 (4), pp. 465–488.
13. Dean M. *Governmentality. Power and Rule in Modern Society*. Los Angeles, Sage, 2010. 293 p.
14. Rudman D.L. Shaping the active, autonomous and responsible modern retiree: An analysis of discursive technologies and their links with neo-liberal political rationality. *Ageing and Society*, 2006, vol. 26 (2), pp. 181–201.
15. Ekerdt D.J. The busy ethic: Moral continuity between work and retirement. *The Gerontologist*, 1986, vol. 26 (3), pp. 239–244.
16. Stenner P., McFarquhar T., Bowling A. Older people and 'active ageing': Subjective aspects of ageing actively. *Journal of Health Psychology*, 2011, vol. 16 (3), pp. 467–477.
17. Foucault M. *The History of Sexuality*. London, Penguin Books, 1990. 164 p.
18. Hajer M. *The Politics of Environmental Discourse. Ecological Modernization and the Policy Process*. Oxford, Clarendon Press, 1995. 517 p.
19. Havighurst R.J., Neugarten B.L., Tobin S.S. Disengagement and patterns of aging. *The Gerontologist*, 1964, vol. 4 (3), pp. 24–42.
20. Holstein M.B., Minkler M. Self, Society and the 'New Gerontology'. *The Gerontologist*, 2003, vol. 43 (6), pp. 787–796.
21. Kenyon G., Clark P., de Vries B. *Narrative Gerontology. Theory, Research and Practice*. New York, Springer. 203 p.
22. Barsukov V.N. Assessment of the prevalence of discriminatory attitudes towards older people in the world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*, 2018, no. 429, pp. 82–90. DOI: 10.17223/15617793/429/10 (in Russian).
23. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. The evolution of demographic and social construction of the age of "old age". *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2 (in Russian).
24. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Demographic theories and the regional aspect of population aging. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 89–103. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.6 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitalii N. Barsukov – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lastchaos12@mail.ru

Ol'ga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Director for Science, Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru